ГЛАВА I

ПОРТФЕЛЬ

Мириам с Мохтаром делилась. Как правило, книжками. Давала ему почитать “Капитал”. Давала Ноама Хомского. Подкармливала его разум. Подпитывала устремления. Встречались они где-то год, но шансы были невелики. Он мусульманин, американский йеменец, а она наполовину палестинка, на другую гречанка, да еще христианка вдобавок. Но она была красивая и яростная, а за Мохтара сражалась отчаяннее, чем он сам за себя сражался. Когда он сказал, что хочет все-таки закончить бакалавриат и пойти на юридический, Мириам купила ему сумку. Адвокатский такой портфель, произведен в Гранаде, тщательно выделанная мягчайшая кожа, латунные заклепки и пряжки, внутри отделения, элегантно. Может быть, думала Мириам, портфель подвигнет Мохтара к мечте.

Все складывается, думал Мохтар. Он наконец-то накопил денег на Городской колледж Сан-Франциско и осенью пойдет учиться. Два года в Городском, потом еще два в Университете штата, потом еще три на

юридическом. Когда закончит, ему стукнет тридцать. Не идеально, но план приемлемый. Впервые за всю учебную жизнь у Мохтара появились хоть какие-то ясность и импульс.

Для колледжа нужен был ноутбук, и Мохтар попросил денег в долг у брата Валлида. Валлид был почти на год младше — они называли себя ирландскими близнецами, — но у Валлида все было схвачено. Несколько лет он проработал консьержем в небоскребе “Инфинити”, потом поступил в Университет Калифорнии в Дейвисе. И накопил достаточно — хватит на ноутбук Мохтару. Валлид оплатил новый “макбук эйр” своей кредиткой, а Мохтар пообещал вернуть одиннадцать сотен долларов по частям. Ноутбук он засунул в портфель; вошел тютелька в тютельку и выглядел по-адвокатски.

С этим портфелем Мохтар пришел на сомалийский благотворительный вечер. Год был 2012-й, и Мохтар с друзьями устроили в Сан-Франциско сбор средств в пользу сомалийцев, пострадавших от голода, который уже унес сотни тысяч жизней. Вечер проходил в Рамадан, так что все наелись и послушали, что́ американские сомалийцы рассказывают о невзгодах своих соплеменников. Собрали три тысячи долларов, в основном наличными. Мохтар сложил деньги в портфель — в костюме и с кожаным портфелем, где лежали новый ноутбук и пачка долларов всевозможных деноминаций, он чувствовал себя человеком деятельным и целеустремленным.

Поскольку Мохтар был окрылен, да и вообще импульсивен по натуре, он уговорил еще одного организатора, Сайеда Дарвуша, сразу после мероприятия отвезти деньги в Санта-Клару — час дороги на юг. В Санта-Кларе они зайдут в мечеть и передадут деньги представителю “Исламской помощи”, международной некоммерческой организации, которая направит пожертвования в Сомали. Другой организатор попросил Мохтара прихватить большой кулер с остатками рухафзы, розового пакистанского напитка из молока и розовой воды.

— Точно надо ехать сегодня? — спросил Джереми.

Джереми нередко казалось, что Мохтар берет на себя слишком много и слишком рьяно.

— Нормально, — сказал Мохтар.

“Надо сегодня”, — подумал он.

Так что Сайед сел за руль, и всю дорогу по 101-му шоссе они рассуждали о щедрости, которую видели в тот вечер, а Мохтар размышлял, как это приятно — выдумать что-то, а потом воплотить. Еще он размышлял, каково это будет — получить юридический диплом, стать первым в роду американских Альханшали бакалавром права. И как он в конце концов доучится и будет представлять тех, кто просит убежища, — других американских арабов с иммиграционными затыками. Может, в один прекрасный день баллотируется куда-нибудь.

На полпути к Санта-Кларе Мохтара одолела усталость. Он готовил этот благотворительный вечер

неделями, а теперь тело требовало отдыха. Он прислонился головой к стеклу.

— Подремлю немножко, — сказал он.

Проснулся, когда машина уже стояла перед мечетью в Санта-Кларе. Сайед тряс его за плечо:

— Просыпайся.

До намаза оставалось несколько минут.

Полусонный Мохтар выполз из машины. Они достали из багажника рухафзу и потащили ее в мечеть.

Только после намаза Мохтар сообразил, что оставил портфель на улице. На земле, у машины. Портфель с тремя тысячами долларов и новым ноутбуком за тысячу сто Мохтар оставил среди ночи на автостоянке.

Они бросились к машине. Портфель исчез.

Они обыскали автостоянку. Безрезультатно.

В мечети никто ничего не видел. Мохтар и Сайед искали всю ночь. Мохтар не спал. Утром Сайед уехал домой. Мохтар остался в Санта-Кларе.

Оставаться не было смысла, но как тут вернешься домой?

Он позвонил Джереми:

— Я потерял портфель. Я потерял три тысячи долларов и ноутбук из-за этого клятого розового молока. Что я людям скажу?

Нельзя сказать сотням людей, которые пожертвовали на голодающих в Сомали, что их деньги испарились. Нельзя сказать Мириам. Помыслить невозможно, сколько она заплатила за портфель и что она по-

думает — он же потерял все, что у него было, разом. Нельзя сказать родителям. Нельзя сказать Валлиду, что они будут выплачивать одиннадцать сотен долларов за ноутбук, которым он, Мохтар, никогда не воспользуется.

Назавтра один друг Мохтара, Ибрагим Ахмед Ибрагим, улетал в Египет — посмотреть, как там Арабская весна. Вместе с ним Мохтар прокатился до аэропорта — это на полпути к родительскому дому. Ибрагим доучивался в Университете Калифорнии в Беркли, через несколько месяцев получит диплом. Что сказать Мохтару, он не знал. “Не переживай” — както неубедительно. Ибрагим растворился за пограничным контролем и улетел в Каир.

А Мохтар сел в черное кожаное кресло в зале ожидания и просидел там не один час. Смотрел, как улетают люди. Как уезжают и приезжают семьи. Бизнесмены с портфолио и планами. В международном терминале, этом памятнике движению, он сидел, вибрируя, и не двигался никуда.